

Серия «Психология»
2026. Т. 57. С. 54–68
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapsy.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 159.99

<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2026.57.54>

Жизненный путь в представлении женщин разного возраста

М. Ю. Кузьмин, И. А. Конопак, А. В. Фетисова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

А. А. Климов

*Инновационный образовательный и развивающий сервис для специалистов
помогающих профессий, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Анализируются особенности репрезентации жизненного пути у женщин различного возраста и их связь с нормативным возрастом. При помощи методики «Ваша линия жизни» на базе 896 протоколов девушек и женщин рассматривается соотношение событий прошлого и будущего; корректные сведения о возрасте были доступны для 889 участниц в возрасте 13–74 лет. Проведенный кластерный анализ позволил выделить различные профили репрезентации прошлого и будущего, в том числе основные возрастно-нормативные типы и малочисленные специфические группы. Выявлено, что после 25 лет возрастает роль семейных событий и социальных ролей. Делается вывод о том, что репрезентация жизненного пути изменяется в зависимости от возраста – от открытой и развернутой будущей перспективы в молодости к более интегрированной, ретроспективно организованной и избирательной модели жизненного пути в зрелом и старшем возрасте.

Ключевые слова: жизненный путь, репрезентация жизненного пути, возраст, женщины, прошлое, будущее, субъективная временная перспектива, кластерный анализ.

Для цитирования: Жизненный путь в представлении женщин разного возраста / М. Ю. Кузьмин, И. А. Конопак, А. В. Фетисова, А. А. Климов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2026. Т. 57. С. 54–68. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2026.57.54>

Original article

Women's Representations of the Life Course Across Age Groups

M. Yu. Kuzmin, I. A. Konopak, A. V. Fetisova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

A. A. Klimov

*Innovative Educational and Developmental Service for Helping Professionals, St. Petersburg,
Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the characteristics of life course representations among women of different ages and their relationship to normative age patterns. Using the “Your Life Line” technique,

© Кузьмин М. Ю., Конопак И. А., Фетисова А. В., Климов А. А., 2026

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

the relationship between past and future events was examined based on 896 protocols completed by girls and women; valid age data were available for 889 participants aged 13–74 years. Cluster analysis identified different profiles of past and future representations, including major age-normative types and small specific clusters. The role of family-related events and social roles was found to increase after the age of 25. It is concluded that life course representations vary with age, shifting from an open and extended future perspective in youth to a more integrated, retrospectively organized, and selective model of the life course in middle and later adulthood.

Keywords: life course, life course representation, age, women, past, future, subjective temporal perspective, cluster analysis.

For citation: Kuzmin M.Yu., Konopak I.A., Fetisova A.V., Klimov A.A. Women's Representations of the Life Course Across Age Groups. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2026, vol. 57, pp. 54–68. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2026.57.54> (in Russian)

Введение

Проблема жизненного пути личности традиционно занимает одно из центральных мест в психологической науке. По определению, это история жизни человека, становления его личности и одновременно ее проект; в свершившейся части он представлен реализованными поступками, действиями и выборами, а в предстоящей – перспективными целями, планами и замыслами [Салихова, 2012]. Такое понимание опирается на субъектную традицию С. Л. Рубинштейна, согласно которой человек выступает не только носителем обстоятельств, но и субъектом построения собственной жизни, преобразующим жизненные отношения и создающим индивидуальный жизненный путь [Рубинштейн, 1989; Салихова, 2012].

В психологии жизненный путь рассматривается в нескольких традициях. Упомянутый выше С. Л. Рубинштейн [1989] и К. А. Абульханова-Славская [1991] жизненный путь понимали как форму становления человека в качестве субъекта собственной жизни. В рамках событийно-временного подхода акцент переносится на психологическое время личности [Головаха, Кроник, 1984]. Близкую линию развивает Н. Р. Салихова [2012]. В зарубежной психологии жизненный путь анализируется как репрезентируемая и культурно опосредованная структура. Д. Бернштейн и Д. Рубин рассматривают его как культурно разделяемое знание о порядке и времени наступления основных жизненных событий [Berntsen, Rubin, 2004; Rubin, Berntsen, Hutson, 2009]. В нарративной традиции жизненный путь связывается с идентичностью, поскольку жизненная история выступает способом интеграции прошлого, настоящего и будущего в целостный рассказ о себе [McAdams, 2001; Bluck, Habermas, 2000]. Получается, что жизненный путь изучают через различные аспекты: через активность субъекта или через способы его организации, или через факторы, его определяющие (как внутренние, так и внешние).

Особый интерес представляет изучение жизненного пути у женщин. С одной стороны, женская биография в значительной степени связана с культурными ожиданиями относительно образования, профессионального становления, отношений, брака, материнства, семейных ролей, телесности, заботы о близких и возрастных изменений. С другой стороны, многое зависит и от выбора самой женщины. Современный жизненный путь уже не может быть описан через единый сценарий. Одни выбирают преимущественно

семью и материнство, другие – образование и карьеру, третьи – отношения, четвертые – хобби, саморазвитие и т. д.

При этом, несмотря на разработанность проблемы жизненного пути, менее изученным остается вопрос о том, как нормативный возраст связан с его репрезентацией, причем как в плане общей наполненности жизненными событиями, так и их организации. Отсюда целью данного исследования стало выявление возрастных различий во временной и содержательной организации репрезентации жизненного пути у девушек и женщин 13–74 лет. Для этого мы, с одной стороны, сопоставляли событийную насыщенность и соотношение событий прошлого и будущего в разных возрастных группах, а с другой – выявляли возрастные различия в содержательных сферах событий и выделяли типичные профили репрезентации прошлого и будущего.

Организация и методы исследования

Исследование было выполнено в период с 2017 по 2024 г. на базе образовательных, медицинских, производственных организаций и учреждений дополнительного профессионального образования Иркутской области, Республики Бурятия и Санкт-Петербурга. Исходная база включала 896 протоколов девушек и женщин. Содержательная категоризация событий прошлого и будущего была доступна для всех 896 протоколов. Корректные сведения о возрасте имелись для 889 участниц в возрасте от 13 до 74 лет. Полный набор интегральных показателей организации линии жизни, необходимый для анализа ее общей временной структуры, был доступен для 885 участниц. Репрезентация жизненного пути изучалась при помощи методики А. А. Кроника «Ваша линия жизни». Исследование проводилось в группах в бумажной форме. Анализировались события, указанные испытуемыми до текущего момента жизни и после текущего момента. Для каждого события была проведена содержательная категоризация по сферам репрезентации жизненного пути на основе классификатора, разработанного и апробированного М. Ю. Кузьминым [2015]. В итоге были рассмотрены показатели событийной насыщенности линии жизни (общее число событий, число событий до текущего момента, число событий после текущего момента, доля событий прошлого, доля событий будущего, горизонт будущего (или конец событийного периода) – возраст, после которого испытуемые женщины больше не указывали событий), а также показатели содержательной структуры событий до и после текущего момента (полоролевая, учебно-профессиональная, семейная, этническая, локальная, личностная, коммуникативная, перспективная, физическая, деятельностная, групповая и глобальная сферы). В связи с различной полнотой данных объем аналитической выборки варьировал в зависимости от набора показателей, включенных в конкретный анализ; фактическое n указывается при описании соответствующего этапа анализа.

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием кластерного анализа (метод k -средних). Количество кластеров подбиралось с учетом коэффициента силуэта и содержательной интерпретируемости решения. В тех случаях, когда формально более высокое значение силуэта давало единичные или крайне малочисленные кластеры, мы отдава-

ли предпочтение более устойчивому и содержательно интерпретируемому решению. Вычислялись показатели χ^2 и V Крамера для оценки связи кластера с возрастной группой, силуэт (Cluster silhouette), индекс Калински – Харабаша (CH) и индекс Дэвиса – Болдина (DB) для оценки качества решения.

Расчеты проводились в программе IBMSPSS 26.0. Дополнительные показатели качества кластеризации (χ^2 , V Крамера, силуэт, CH, DB) рассчитывались при помощи пакета R.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе были проанализированы социодемографические особенности выборки (табл. 1). Анализ возрастной структуры проводился для 889 участниц, имевших корректные сведения о возрасте. Выделенные возрастные интервалы не соотносились непосредственно с какой-либо одной периодизацией психического развития и использовались для описания возрастной структуры выборки и последующего статистического сопоставления показателей репрезентации жизненного пути.

Таблица 1

Распределение испытуемых с известным возрастом по возрастным группам ($n = 889$)

Возрастная группа	n	%	Возраст, $M \pm SD$	Размах
13–17 лет	306	34,42	16,05 $\pm$ 1,34	13–17
18–24 года	127	14,29	18,24 $\pm$ 0,96	18–24
25–34 года	99	11,14	30,27 $\pm$ 2,73	25–34
35–44 года	128	14,40	39,62 $\pm$ 2,95	35–44
45–54 года	123	13,84	49,18 $\pm$ 2,73	45–54
55–74 года	106	11,92	60,05 $\pm$ 4,18	55–74

Как следует из табл. 1, в выборке преобладают испытуемые в возрасте 13–17 лет (34,42 %). Остальные возрастные группы представлены более равномерно. В данный анализ были включены 885 участниц с полным набором интегральных показателей организации линии жизни.

На втором этапе для уточнения общей структуры репрезентации жизненного пути был проведен кластерный анализ методом k -средних. В анализ, собственно, включались интегральные показатели организации линии жизни, описанные выше (общее число событий, число событий, отнесенных к периоду до момента «сейчас», число событий, отнесенных к периоду после момента «сейчас», доля событий прошлого, доля событий будущего, а также показатель временного горизонта событий). В результате мы выделили два типа репрезентации жизненного пути. Первый кластер включал 390 девушек ($M = 18,62$) и характеризовался большей представленностью будущих событий, высокой долей будущего и большей событийной насыщенностью. Второй кластер включал 495 девушек и женщин ($M = 40,97$) и характеризовался большей ретроспективностью и меньшей представленностью будущих событий. Связь возрастной полосы и кластерной принадлежности была статистически значимой и сильной ($\chi^2 = 518,029$; $p < 0,001$; V Крамера = 0,763). Это позволило подтвердить предыдущий вывод о возрастной перестройке репре-

зентации жизненного пути. Если в первой группе большая репрезентация относится к перспективе, то во второй – уже к ретроспективе (табл. 2).

Затем была проанализирована связь возрастной группы с содержательными сферами событий, включенных девушками и женщинами в свою линию жизни. В данном анализе единицей выступало отдельное событие, поэтому полученные результаты характеризуют распределение именно событий. Согласно полученным результатам, распределение событий по содержательным сферам статистически значимо различалось в возрастных группах ($\chi^2 = 2063,6$; $p < 0,001$, V Крамера = 0,255). Таким образом, существует связь между возрастной принадлежностью женщин и содержанием событий, представленных в субъективной линии жизни.

Таблица 2

Центры двух кластеров структуры репрезентации линии жизни

Показатель	Кластер 1 ($n = 390$)	Кластер 2 ($n = 495$)
Возраст, $M \pm SD$	18,62 $\pm$ 13,51	40,97 $\pm$ 16,02
Общее число событий	9,51	5,88
События до «сейчас»	3,86	4,5
События после «сейчас»	5,66	1,38
Доля событий прошлого (в долях)	0,37	0,77
Доля событий будущего (в долях)	0,63	0,23

Анализ скорректированных стандартизированных остатков показал, что в группе 13–17 лет чаще ожидаемого встречались учебно-профессиональные ($z = 7,75$, $p < 0,001$), деятельностные ($z = 2,73$; $p = 0,006$), субъективные ($z = 2,71$, $p = 0,006$), локальные ($z = 7,98$, $p < 0,001$), дружеские ($z = 7,63$, $p < 0,001$) и глобальные ($z = 8,03$, $p < 0,001$) события, тогда как семейные и перспективные события были представлены реже ожидаемого. В группе 18–24 года чаще ожидаемого фиксировались учебно-профессиональные ($z = 4,37$, $p = 0,004$), личностные ($z = 7,51$, $p = 0,0001$), дружеские ($z = 7,59$, $p = 0,0001$), групповые ($z = 6,48$, $p < 0,001$) события. Начиная с 25–34 лет статистически возрастала представленность семейной ($z = 6,89$, $p < 0,001$) и перспективной ($z = 7,48$, $p < 0,0001$) сфер, причем в группах 35–44 и 45–54 года семейная сфера имела выраженные положительные стандартизированные остатки.

На следующем этапе была проведена кластеризация показателей событий от рождения до момента «сейчас». В анализ были включены 889 участниц с доступными содержательными показателями прошлого и корректными сведениями о возрасте. Кластеризация выполнялась методом k -средних. Для оценки устойчивости решения были сопоставлены варианты с числом кластеров от двух до шести (табл. 3).

Сравнение кластерных решений показало, что двухкластерная модель дает наиболее грубое разделение выборки, противопоставляя профиль девушек в возрасте 17,19 $\pm$ 2,31 ($n = 167$) и женщин 34,40 $\pm$ 16,36 ($n = 722$). Если у девушек основу кластера составляют события, связанные с межличностными отношениями (первая любовь, дружба и т. д.), то у женщин – семейный статус, семейные события (заключение брака, рождение ребенка, рождение

близких родственников). Такое решение, по нашему мнению, делает структуру данных грубой, не позволяя выделить более мелкие кластеры.

Таблица 3

Анализ кластерных решений репрезентации женщинами своего прошлого

k	Силуэт	СН	DB	χ^2 возраст × кластер	df	p	V Крамера
2	0,380	74,3	2,809	226,203	5	< 0,001	0,506
3	0,392	71,6	2,200	208,135	10	< 0,001	0,343
4	0,387	73,4	1,978	234,257	15	< 0,001	0,297
5	0,408	77,0	1,807	255,118	20	< 0,001	0,268
6	0,358	74,2	1,732	232,793	25	< 0,001	0,229

Решение из трех кластеров сохраняет первый кластер практически в неизменном виде ($n = 148, 17,11 \pm 2,20$), выделяя также небольшой кластер из 17 чел. ($32,47 \pm 15,92$). Его отличают физическая сфера и сфера переживаний, поэтому он может быть обозначен как «телесно-переживательный» профиль прошлого. Третий кластер так же остался неизменным ($n = 724, 34,01 \pm 16,38$).

Решение из четырех кластеров выделяет малый кластер ($n = 18, 21,67 \pm 13,20$), где в основном отмечаются события деятельности (прежде всего, поступление на работу), ранее упомянутый кластер, связанный с телесными переживаниями ($n = 18, 32,39 \pm 15,45$), и кластер, связанный с семейной сферой ($n = 696, 34,53 \pm 16,36$).

Наиболее информативным, на наш взгляд, оказывается решение из пяти кластеров (табл. 4). Оно имеет лучшие формальные показатели среди сопоставленных моделей: силуэт = 0,408; СН = 77,0; DB = 1,807. Связь принадлежности к кластерам с возрастной группой статистически значима: $\chi^2 = 255,118$; df = 20; $p < 0,001$; V Крамера = 0,268. В него вошли как упомянутые выше кластеры, так и выделившийся кластер женщин старшего возраста ($n = 26, 47,31 \pm 8,78$), где произошла группировка вокруг перспективного компонента в событиях прошлого. Это можно интерпретировать как попытку ретроспективно отразить свои планы и мечты в прошлом, то есть провести своеобразную ревизию своей жизни.

Таблица 4

Решение из пяти кластеров при репрезентации женщинами своего прошлого

Кластер	N	Возраст, M $\pm$ SD	Ведущие положительные центры
1	134	17,14 $\pm$ 2,31	Дружба (+1,16), личностная сфера (+1,15), этническая сфера (+0,99), групповая принадлежность (+0,93), полоролевая сфера (+0,76), глобальная сфера (+0,74), общение (+0,22)
2	19	21,42 $\pm$ 12,87	Локальная сфера (+6,43), групповая принадлежность (+0,86), деятельность сфера (+0,77), этническая сфера (+0,38), полоролевая сфера (+0,35)
3	26	32,12 $\pm$ 15,97	Физическая сфера (+4,20), переживания (+3,59), субъективная сфера (+0,31)
4	680	33,51 $\pm$ 16,38	Семейная сфера (+0,12), деятельность сфера (+0,01), учебно-профессиональная сфера (+0,01)
5	26	47,31 $\pm$ 8,78	Перспективная сфера (+5,44), общение (+0,28), семейная сфера (+0,13)

Решение из шести кластеров не отличается схожими параметрами. В нем происходит дробление первого кластера с выделением группы в возрасте 13–14 лет общим числом 40 чел. ($13,70 \pm 2,75$) с ведущей глобальной сферой (скорее всего, упоминалось такое событие, как «я родилась») и группы из 15 чел. ($18,93 \pm 5,98$) с отдельной субъективной сферой.

На третьем этапе была проведена кластеризация показателей событий, отнесенных женщинами и девушками к периоду после момента «сейчас». Кластеризация содержательных показателей будущего проводилась на 896 протоколах, для которых была доступна соответствующая содержательная категоризация. При оценке связи кластерной принадлежности с возрастной группой использовались данные 889 участниц с корректными сведениями о возрасте. В анализ были включены z -стандартизированные показатели содержательных сфер будущего. Кластеризация также выполнялась методом k -средних. Для оценки устойчивости решения были сопоставлены варианты с числом кластеров от двух до шести (табл. 5).

Таблица 5

Анализ кластерных решений репрезентации женщинами своего будущего

k	Силуэт	СН	DB	χ^2 возраст $\times$ кластер	df	p	V Крамера
2	0,337	98,3	2,523	285,767	5	< 0,001	0,567
3	0,312	88,4	2,184	307,885	10	< 0,001	0,416
4	0,330	79,8	1,819	304,042	15	< 0,001	0,338
5	0,328	74,9	1,738	308,756	20	< 0,001	0,295
6	0,304	72,5	1,812	348,171	25	< 0,001	0,280

Примечание. Показатели качества кластеризации (силуэт, СН, DB) рассчитаны для 896 протоколов; показатели связи кластерной принадлежности с возрастной группой (χ^2 , V Крамера) — для 889 участниц с корректными сведениями о возрасте

Наиболее удачной оказалась модель из трех кластеров. Двухкластерная модель дала грубое разделение выборки, по сути, противопоставив друг другу две большие группы: женщин ($n = 634$, $36,40 \pm 16,03$), у которых перспектива дифференцирована достаточно слабо (т. е. они фактически не раскрывали свое будущее), и девушек ($n = 262$, $18,50 \pm 7,25$) с развернутой перспективой. Если для первого кластера характерна сниженная представленность большинства содержательных сфер будущего при относительном сохранении перспективных показателей, то второй кластер отличается более выраженными учебно-профессиональными, семейными, этническими, личностными, деятельностными, групповыми и глобальными событиями. Такое решение хорошо фиксирует общий возрастной разлом, однако делает структуру данных слишком грубой и не позволяет выделить специфические малые профили будущего.

Решение из трех кластеров, наоборот, выделяет, помимо уже упомянутых кластеров с нормативной либо неразвернутой репрезентацией будущего, небольшой, однако интерпретируемый кластер ($n = 26$, $19,85 \pm 10,99$), в который вошли девушки и женщины, упоминавшие конкретные шаги по построению желаемого будущего (показатель «деятельность») и конкретные коммуникации (показатель «социальные связи и отношения»). Связь кластерной

принадлежности с возрастной группой также оказалась статистически значимой ($\chi^2 = 307,885$; $df = 10$; $p < 0,001$; V Крамера = 0,416). При этом решение достигло сходимости и не содержало единичных кластеров, что делает его приемлемым для последующей содержательной интерпретации.

Все прочие решения достигали сходимости, однако приводили к появлению очень маленьких кластеров, например, связанного с коммуникацией или изменением места жительства, т. е. «перееду», «заведу новых друзей» ($n = 9, 21,67 \pm 14,39$) при четырехкластерном решении, девушек, указывавших какие-то глобальные позиции при репрезентации будущего («я умру») ($n = 17, 15,65 \pm 5,65$) и т. д.

Таким образом, в ходе проведенного анализа обнаружилось следующие особенности репрезентации своего жизненного пути у женщин различного возраста. Так, у более молодых женщин он преимущественно организован вокруг будущего. При этом сильнее представлены учебно-профессиональная сфера, дружба, общение, личностное развитие, групповая принадлежность, ожидание будущих событий.

У женщин более старшего возраста репрезентация жизненного пути, наоборот, смещается в сторону прошлого и уже реализованных жизненных переходов. Центральное место занимают семейные события (соответствующие социальные роли, биографически значимые изменения, связанные с браком, рождением детей), частично – изменение профессионального статуса. Возрастом, разделяющим одну группу от другой, оказывается 25 лет.

Если рассматривать события, отнесенные женщинами и девушками к периоду от рождения до момента «сейчас», то можно отметить следующее. У более молодых девушек и женщин прошлое чаще организуется вокруг событий, связанных с социальным окружением, межличностными отношениями и становлением Я. Прошлое у подростков и девушек раннего юношеского возраста еще не приобретает выраженной структуры, связанной с какими-то предписаниями (прежде всего, статусами в семье и профессии), а скорее отражает процесс первичного самоопределения и включения в систему значимых отношений.

Наоборот, у женщин более старшего возраста прошлое становится более структурированным и насыщенным за счет представленности в нем семейных, учебно-профессиональных событий и изменений своей роли. На наш взгляд, это связано с тем, что по мере взросления прошлое начинает выполнять не только функцию фиксации произошедших событий, но и функцию ретроспективной интеграции жизненного опыта. События прошлого в этом случае связываются с уже реализованными нормативными переходами.

Иная закономерность обнаруживается при анализе событий, отнесенных к периоду после момента «сейчас». Тут более молодые участницы демонстрируют более развернутую перспективу, где их будущее включает учебно-профессиональные, семейные, личностные, деятельностные и социальные ожидания. А вот у участниц старших возрастных групп будущая перспектива становится менее развернутой и более избирательной. Это не обязательно свидетельствует о снижении значимости будущего. Возможно, с возрастом

будущее перестает задаваться как широкий набор возможных сценариев и начинает соотноситься с уже сложившейся биографией.

При этом кластерный анализ показал наличие небольших по численности групп, которые не полностью укладываются в общую возрастную тенденцию. Эти кластеры не могут рассматриваться как массовые типы репрезентации жизненного пути, однако они важны как дополнительные варианты организации жизненного опыта. Например, при анализе событий прошлого выделялись малочисленные кластеры, связанные со сферой телесных изменений (какая-то болезнь или предстоящие роды), деятельностью (где, в отличие от нормативного «поступить в вуз», «работать», предлагались варианты вроде «развиваться в конкретном хобби») и т. д. Таким образом, в отдельных случаях биографическая память может структурироваться через субъективно значимые состояния, а не через социально-нормативные переходы.

Особый интерес представляет небольшой кластер, в котором в событиях прошлого был выражен перспективный компонент. На первый взгляд это может выглядеть парадоксально, поскольку речь идет о прошлом, а не о будущем. Однако содержательно такой результат можно интерпретировать как отражение в прошлом прежних планов, ожиданий, мечтаний и жизненных проектов. Иначе говоря, часть участниц описывает прошлое не только как совокупность уже произошедших событий, но и как пространство когда-то существовавших возможностей. В этом случае прошлое включает не только фактологический, но и проектный слой: «чего я тогда хотела», «на что рассчитывала», «какой видела свою жизнь». Можно говорить о некоем подведении итогов.

Полученные результаты хорошо согласуются с представлением о жизненном пути как о единстве уже свершившейся и проектируемой жизни, как это описывает Н. Р. Салихова [2012]. В этом смысле наши данные подтверждают не только событийный, но и субъектно-временной характер жизненного пути.

Также с точки зрения отечественной традиции эти результаты могут быть поняты через идеи С. Л. Рубинштейна [1989] и К. А. Абульхановой-Славской [1991] о человеке как субъекте жизненного пути. Поэтому обнаруженное нами смещение от будущего к прошлому с возрастом не следует понимать только как следствие накопления прожитых лет. Можно сказать, что у женщин меняется позиция по отношению к собственной жизни. И если у молодых женщин она преимущественно проектная, у взрослых – более интегративная и ретроспективная.

Наши данные так же согласуются с событийно-временным подходом Е. И. Головахи и А. А. Кроника [1984]. С возрастом меняется не только количество событий прошлого и будущего, но и их содержательная структура. Таким образом, возраст связан не просто с «объемом» прожитого, а с некоей перестройкой событийной ткани жизненного пути.

Особенно важным является обнаруженный возрастной рубеж около 25 лет. Он хорошо соотносится с исследованиями культурных жизненных

сценариев, согласно которым наиболее насыщенный участок нормативной биографии приходится на подростковый возраст, юность и раннюю зрелость. В работах Д. Бернтсайн и Д. Рубина культурный жизненный сценарий описывается как разделяемое в культуре знание о порядке и «правильном» времени наступления основных жизненных событий: получение образования, начало работы, отношения, брак, рождение детей и т. д. [Berntsen, Rubin, 2004; Rubin, Berntsen, Hutson, 2009]. В этом отношении наши данные совпадают с зарубежными результатами: именно до 25–30 лет концентрируется значительная часть ожидаемых переходов, а после этого возраста в индивидуальной линии жизни возрастает доля уже реализованных сценарных событий.

При этом наши результаты уточняют концепцию культурного жизненного сценария применительно к женской выборке вообще и в России в частности. У женщин старших возрастных групп наиболее выраженным оказывается именно семейно-ролевой компонент (брак, рождение детей, изменение семейного статуса, роли жены, матери, взрослой женщины). Это соответствует тезису о том, что женская биография в большей степени связана не с культурными ожиданиями относительно образования, профессионального становления и отношений, но прежде всего, брака, материнства, заботы о близких и возрастных изменений. Однако одновременно наши данные показывают, что этот сценарий не является единственным. Нами были выделены группы женщин, в центре репрезентации жизненного пути которых находятся другие темы, т. е. с этой точки зрения полученные результаты частично совпадают, а частично расходятся с моделью культурного жизненного сценария. Совпадение состоит в том, что наиболее значимые жизненные события действительно организуются вокруг нормативных переходов, а возрастная структура репрезентации жизненного пути во многом отражает культурно заданные ожидания «своевременности» событий [Berntsen, Rubin, 2004; Rubin, Berntsen, Hutson, 2009]. Расхождение состоит в том, что в наших данных репрезентация жизненного пути не сводится к универсальному набору позитивных переходов ранней зрелости. Такое расхождение хорошо объясняется современными отечественными работами о нормативности и индивидуализации жизненного пути. Н. В. Гришина подчеркивает, что современная жизнь все чаще выступает как индивидуальный проект, а не как жесткое следование единому нормативному сценарию [Гришина, 2011]. В работах, посвященных социальным репрезентациям жизненного пути, также отмечается, что современные представления о жизненном пути могут быть одновременно целостными и фрагментарными, нормативными и индивидуализированными, социально заданными и личностно переработанными [Вачков, Саликова, 2020; Саликова, 2020]. Наши малочисленные кластеры как раз и отражают эту индивидуализацию: они показывают, что не все участницы организуют жизненный путь вокруг семьи, образования и профессии.

То, как девушки и молодые женщины предъявляют свое прошлое, согласно результатам нашего исследования, чаще связано с социальным окружением, дружбой, общением, личностными событиями и не является завершенным с нормативной точки зрения. Это скорее соотносится с теорией

Д. МакАдамса, согласно которой полноценная жизненная история начинает складываться в подростковом и юношеском возрасте [McAdams, 2001]. С этой же логикой согласуются работы Т. Хабермаса и С. Блук, в которых показано, что в подростковом возрасте постепенно формируются темпоральная, причинная, тематическая и культурная когерентность жизненного рассказа [Habermas, Bluck, 2000], но не более. У женщин старшего возраста прошлое окажется более структурированным, где будут выделены не какие-то события личного плана, но скорее формирование той или иной роли («закончила школу», «стала студенткой», «вышла замуж» и т. д.).

При этом наши результаты не полностью совпадают с моделью «пика воспоминаний» [Rubin, Wetzler, Nebes, 1986; Fitzgerald, 1988; McAdams, 2001], согласно которой взрослые люди чаще всего вспоминают значимые события, произошедшие примерно в возрасте 15–25 лет. Наоборот, в нашем исследовании у женщин среднего возраста центральными оказываются события, связанные с семьей. Скорее всего, потому что выборку исследования составили именно женщины, для которых события брака, материнства, семейных изменений могут иметь не меньшую интегративную силу, чем события юношеского самоопределения.

Репрезентация будущего демонстрирует противоположную закономерность. У девушек и молодых женщин будущее оказывается более развернутым и насыщенным. Оно включает, прежде всего, учебу, профессиональное самоопределение, отношения, семью. Определенное место отводится и для личностного развития. Это скорее совпадает с представлением о «возможных Я» Х. Маркус и П. Нуриус, согласно которым в юности и ранней взрослости будущее выступает пространством возможных идентичностей, ожидаемых достижений и желаемых социальных ролей [Markus, Nurius, 1986]. Наоборот, у женщин старших возрастных групп будущая перспектива становится все менее развернутой и более избирательной. Возможно, это связано с тем, что с возрастом будущее перестает быть широким набором возможных сценариев. Такая интерпретация хорошо согласуется с идеей, что прошлое, настоящее и будущее во взрослости начинают восприниматься как взаимосвязанные части единого жизненного цикла [Bluck, Habermas, 2001]. Кроме того, возможно, при восприятии времени как более ограниченного (что скорее характерно для взрослости) центральными оказываются не достижения и расширение возможностей, но более понятные и эмоционально значимые события, вроде общения с близкими. В наших данных это может объяснять, почему у женщин старшего возраста будущее более конкретное, связанное с сохранением уже сложившихся отношений и ролей.

Что касается выделенных нами малочисленных кластеров, то они, на наш взгляд, позволяют констатировать, что жизненный путь может структурироваться не только через нормативные социальные переходы. В их основу могут лечь субъективно значимые состояния (болезнь, роды, телесные изменения или эмоционально насыщенные переживания). Это можно связать с идеей о поворотных событиях, которые приобретают значение не из-за своей

нормативности, а из-за их роли в изменении самопонимания и жизненной траектории [Pillemer, 2001].

Малый кластер, в котором в прошлом выражен перспективный компонент у взрослых женщин, также заслуживает внимания. Как мы писали выше, его можно оценить как попытку подвести какие-то жизненные итоги (что удалось, что не состоялось, какие ожидания были пересмотрены). Это можно связать как с идеями Д. МакАдамса, что люди отбирают и интерпретируют события прошлого с позиции актуальных целей, смыслов и представлений о себе [McAdams, 2001]. Это также можно интерпретировать в том смысле, что взрослый человек использует прошлое не только для воспоминания, но и для оценки настоящего и мотивирования будущего [Bluck, Habermas, 2001]. В зрелости прошлое и будущее уже не существуют как независимые временные зоны, а начинают взаимно объяснять друг друга.

Тем не менее эти результаты еще нуждаются в дополнительной оценке.

Выводы

Проведенное исследование выявило согласованные возрастные различия во временной и содержательной организации репрезентации жизненного пути у женщин. В подростковом и юношеском возрасте, а также в ранней взрослости жизненный путь представлен преимущественно как проект будущего. Так, он отличается большей событийной насыщенностью, развернутой перспективой и преобладанием ожидаемых событий над событиями прошлого. На последующих возрастных этапах репрезентация жизненного пути становится преимущественно ретроспективной: возрастает доля уже произошедших событий, а будущее представлено менее развернуто и более избирательно. Наиболее заметное изменение соотношения прошлого и будущего обнаруживается приблизительно на рубеже 25 лет.

Возрастные различия затрагивают как временную направленность, так и содержание репрезентации жизненного пути. У девушек 13–24 года в ней чаще представлены события, связанные с образованием и профессиональным самоопределением, дружбой, общением, групповой принадлежностью и личностным развитием. Начиная с возрастной группы 25–34 лет усиливается представленность семейных событий и реализованных социальных ролей; в среднем и старшем возрасте центральное место занимают брак, рождение детей, изменения семейного и в меньшей степени профессионального статуса. Таким образом, возрастные различия состоят не только в изменении количества событий прошлого и будущего, но и в перестройке содержательной структуры субъективной биографии.

Репрезентация прошлого и будущего имеет различную возрастную динамику. У молодых участниц прошлое чаще организуется вокруг межличностных отношений, социального окружения и становления представлений о себе. У женщин более старшего возраста оно приобретает более выраженную семейно-ролевую и профессиональную структуру и объединяется вокруг уже реализованных жизненных переходов. Будущее, напротив, наиболее развернуто у девушек и молодых женщин и включает несколько направлений возможного развития – образование, профессию, отношения, семью и

личностные изменения. В старших возрастных группах оно становится менее дифференцированным и в большей степени соотносится с уже сложившейся биографией, отношениями и социальными ролями.

Наряду с основной возрастной закономерностью обнаружены малочисленные профили, не сводимые к нормативному семейно-профессиональному сценарию. В отдельных случаях прошлое структурируется вокруг телесных изменений, эмоционально значимых переживаний, деятельности либо прежних планов и нереализованных возможностей. В репрезентации будущего также выделяется небольшая группа участниц, описывающих не столько общие ожидаемые переходы, сколько конкретные действия и способы построения желаемого будущего. Эти результаты показывают, что субъективная биография организуется одновременно под влиянием культурно заданных возрастных сценариев и индивидуально значимых событий.

Таким образом, репрезентация жизненного пути у женщин не является простой суммой накопленных воспоминаний и ожидаемых событий. Обнаруженные различия свидетельствуют о возрастной перестройке способа организации субъективной биографии – от преимущественно открытой, перспективной и вариативной модели к более ретроспективной, интегрированной и избирательной. При этом нормативная возрастная тенденция не устраняет индивидуального разнообразия способов осмысления прошлого и построения будущего.

Список литературы

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с.
- Вачков И. В., Саликова Э. М. Метафорические представления о жизненном пути у студенческой молодежи // Проблемы современного образования. 2020. № 1. С. 24–38. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-1-24-38>
- Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев : Наукова думка, 1984. 206 с.
- Гришина Н. В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3(17). С. 6.
- Кузьмин М. Ю. Сравнение идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 61–75. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/4>
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. В 2 т. Т. 2. М. : Педагогика, 1989. 328 с.
- Саликова Э. В. Трансформация метафорических репрезентаций жизненного пути личности в период самоизоляции у взрослых // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 147–160. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090207>
- Салихова Н. Р. Построение жизни субъектом: саморегуляция и/или самоорганизация // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 269–277.
- Berntsen D., Rubin D. C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory // Memory & Cognition. 2004. Vol. 32, N 3. P. 427–442. <https://doi.org/10.3758/BF03195836>
- Bluck S., Habermas T. The life story schema // Motivation and Emotion. 2000. Vol. 24. P. 121–147. <https://doi.org/10.1023/A:1005615331901>
- Bluck S., Habermas T. Extending the study of autobiographical memory: Thinking back about life across the life span // Review of General Psychology. 2001. Vol. 5, N 2. P. 135–147. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.135>
- Fitzgerald J. M. Vivid memories and the reminiscence phenomenon: The role of a self narrative // Human Development. 1988. Vol. 31, N 5. P. 261–273. <https://doi.org/10.1159/000275814>

- Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126, N 5. P. 748–769. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.5.748>
- Markus H., Nurius P. Possible selves // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41, N 9. P. 954–969. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>
- McAdams D. P. The psychology of life stories // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5, N 2. P. 100–122. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.100>
- Pillemer D. B. Momentous events and the life story // *Review of General Psychology*. 2001. Vol. 5, N 2. P. 123–134. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.123>
- Rubin D. C., Berntsen D., Hutson M. The normative and the personal life: Individual differences in life scripts and life story events among USA and Danish undergraduates // *Memory*. 2009. Vol. 17, N 1. P. 54–68. <https://doi.org/10.1080/09658210802541442>
- Rubin D. C., Wetzler S. E., Nebes R. D. Autobiographical memory across the adult lifespan // *Autobiographical memory* / ed. by D. C. Rubin. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. P. 202–221.

References

- Abulkhanova-Slavskaya K.A. *Strategiya zhizni* [Life strategies]. Moscow, Mysl Publ., 1991, 299 p. (in Russian)
- Vachkov I.V., Salikova E.M. Metaforicheskiye predstavleniya o zhiznennom puti u studentcheskoy molodezhi [Metaphorical Representations of Life Paths of the Students]. *Problemy sovremenogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2020, no. 1, pp. 24–38. <https://doi.org/10.31862/2218-8711-2020-1-24-38> (in Russian)
- Golovakha Ye.I., Kronik A.A. *Psikhologicheskoye vremya lichnosti* [Psychological time of personality]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 206 p. (in Russian)
- Grishina N.V. Zhiznennyye stsennari: normativnost i individualizatsiya [Life Scenarios: Normativity and Individualization]. *Psikhologicheskoye issledovaniya* [Psychological Studies], 2011, no. 3 (17), p. 6. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i17.846> (in Russian)
- Kuz'min M.Yu. Sravneniye identichnosti mladshikh shkolnikov, podrostkov i lits yunosheskogo vozrasta [Comparison of the identity of primary school students, adolescents, and young adults]. *Sibirskiy psikhologicheskoy zhurnal* [Sibirskiy psikhologicheskoy zhurnal], 2015, no. 58, pp. 61–75. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/4> (in Russian)
- Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. In 2 vol., vol. 2. Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 328 p. (in Russian)
- Salikova E.V. Transformatsiya metaforicheskikh reprezentatsiy zhiznennogo putilichnosti v period samoizolyatsii u vzroslykh [Transformation of Metaphorical Representations of the Life Path in Adults during Self-Isolation]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 2020, vol. 9, no. 2. pp. 147–160. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090207> (in Russian)
- Salikhova N.R. Postroyeniye zhizni sub"yektom: samoregulyatsiya i/ili samoorganizatsiya [Building a Subject's Life: Self-Regulation and/or Self-Organization]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities], 2012, vol. 154, is. 6, pp. 269–277. (in Russian)
- Berntsen D., Rubin D.C. Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory & Cognition*, 2004, vol. 32, no. 3, pp. 427–442. <https://doi.org/10.3758/BF03195836>
- Bluck S., Habermas T. The life story schema. *Motivation and Emotion*, 2000, vol. 24, no. 2, pp. 121–147. <https://doi.org/10.1023/A:1005615331901>
- Bluck S., Habermas T. Extending the study of autobiographical memory: Thinking back about life across the life span. *Review of General Psychology*, 2001, vol. 5, no. 2, pp. 135–147. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.135>
- Fitzgerald J.M. Vivid memories and the reminiscence phenomenon: The role of a self narrative. *Human Development*, 1988, vol. 31, no. 5, pp. 261–273. <https://doi.org/10.1159/000275814>
- Habermas T., Bluck S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*, 2000, vol. 126, no. 5, pp. 748–769. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.126.5.748>
- Markus H., Nurius P. Possible selves. *American Psychologist*, 1986, vol. 41, no. 9, pp. 954–969. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.41.9.954>

McAdams D.P. The psychology of life stories. *Review of General Psychology*, 2001, vol. 5, no. 2, pp. 100–122. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.100>

Pillemer D.B. Momentous events and the life story. *Review of General Psychology*, 2001, vol. 5, no. 2, pp. 123–134. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.123>

Rubin D.C., Berntsen D., Hutson M. The normative and the personal life: Individual differences in life scripts and life story events among USA and Danish undergraduates. *Memory*, 2009, vol. 17, no. 1, pp. 54–68. <https://doi.org/10.1080/09658210802541442>

Rubin D.C., Wetzler S.E., Nebes R.D. (ed. by Rubin D.C.) *Autobiographical memory across the adult lifespan*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986, pp. 202–221.

Сведения об авторах

Кузьмин Михаил Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: mirroy@mail.ru

Конопак Игорь Александрович

кандидат философских наук, доцент, декан
факультета психологии
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: iakonopak@gmail.com

Фетисова Анастасия Вячеславовна

лаборант, кафедра общей психологии
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: cominagetcha@mail.ru

Климов Александр Александрович

соискатель, генеральный директор
Инновационный образовательный
и развивающий сервис для специалистов
помогающих профессий
Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, 13
линия В.О., 42А, пом. 22-Н
e-mail: client@dpo-portal.ru

Information about the authors

Kuzmin Mikhail Yur'evich

Candidate of Sciences (Psychology),
Associate Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx, st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: mirroy@mail.ru

Konopak Igor Aleksandrovich

Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Dean of the Faculty
of Psychology
Irkutsk State University
1, K. Marx, st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: iakonopak@gmail.com

Fetisova Anastasiya Vyacheslavovna

Assistant, Department of General Psychology
Irkutsk State University
1, K. Marx, st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: cominagetcha@mail.ru

Klimov Alexander Alexandrovich

Degree Applicant, General Director
Innovative Educational and Development
Service for Helping Professionals
42A, 13th Line of Vasilievsky Island, Premises
22-N, Saint Petersburg, 199178, Russian
Federation
e-mail: client@dpo-portal.ru

Статья поступила в редакцию **07.05.2026**; одобрена после рецензирования **07.09.2026**; принята к публикации **15.09.2026**
The article was submitted **May, 05, 2026**; approved after reviewing **September, 07, 2026**; accepted for publication **September, 15, 2026**